

Легендарная кража

Иван Аникин

Иван Александрович Аникин

Легендарная кража

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70468228

SelfPub; 2024

Аннотация

Вымышленный город Лиман, 1673 год. Рыночный воришка Хьюго в очередной раз отбывает наказание в одной из камер местной тюрьмы. И именно в его камере оказался дневник другого вора, известного в народе, как "трюкач из Лимана".

Иван Аникин

Легендарная кража

– Стражник! Жерар, друг, подойди, я кое-что нашёл!

– Хьюго, клянусь всем, чем только можно, ты самый надоедливый из здешних заключённых за всю мою службу! Что ты опять затеял?!

– Здесь какая-то книга. И она точно не моя.

– Ну, и что в этой "книге"?

– Откуда мне знать? Я ж читать не умею!

Возмущённый Жерар подошёл к камере Хьюго и увидел, как тот сквозь решётку протягивает ему тонкую книжку в кожаном переплёте. Стражник взял её в руки, открыл, спешно пробежался глазами по первой странице. За это время глаза его расширились, а по лбу даже проступила капелька пота.

– Это шутки у тебя такие, Хьюго?! Откуда это у тебя, и как ты пронёс это в камеру?

– Я нашёл её под койкой, когда ложился спать. Уж больно неудобной она мне показалась, в сравнении с прошлым разом, – с ухмылкой сказал Хьюго. – А что это за книженция?

Жерар не мог отвести глаз от книжки, его глаза бегали туда-сюда, а губы шевелились в невнятном бормотании. Не меняя выражения лица, он поднял взгляд на недоумевающего Хьюго.

– Это не книжка, парень. Это дневник. Да не абы какой,

это дневник Иоганна, трюкача из Лимана. Слыхал о таком?

– А как же! Да он для всех воров Лимана чуть ли не легенда. Говорят, он ловок, как кошка, хитёр, как лис, и неуловим, как ветер. А среди баб ходят слухи, что и красив, как чёрт.

– Был.

– То есть?

– Его повесили с неделю назад.

К лицу Хьюго прилипла неуверенная улыбка.

– Ха-ха! Да ты, никак, шутить научился! За последний месяц вы повесили только какого-то оборванца, на него и взглянуть-то было жалко. Какой же это Иоганн?

– Мне и самому было сложно поверить. Поймали какого-то грязного воришку за руку, даже допросить не успели, как он сам всё выложил.

Шокированный Хьюго стоял в изумлении. Жерар, переведя взгляд обратно на дневник, уже собрался уходить, но его окликнул Хьюго:

– Эй, эй, подожди! Слушай, ты же всё равно будешь это читать. Может, и мне прочтёшь?

– Да ты в край обнаглел, Хьюго!

– Да ладно тебе, Жерар. Сколько мы с тобой знакомы? Ты ж мне уже почти как брат. К тому же это я нашёл дневник.

На лбу стражника начали собираться морщины.

– Ладно, чёрт с тобой. Всё равно же не отстанешь. Сейчас только за стулом схожу.

Жерар принёс стул из поста стражи, зажёг факел над ка-

мерой Хьюго, и начал читать.

Четверг, 6 июля 1673 года.

В очередной раз Виктория продолжает глядеть на меня с осуждением, грозит выгнать, но мы оба знаем, что ничем это не закончится. Я снимаю у неё чердак. Крыши рядом с её домом такие удобные, что я могу войти и выйти незамеченным в любое время и в любом состоянии. На самом деле "снимаю" слишком громкое слово. Я оставляю ей кошель серебра каждый месяц, и каждый месяц она ругается, что не возьмёт денег от старого друга. Я недостойн её доброты. Мне кажется, даже сам ангел не был бы достоин.

Последние пару дней Виктория наседает на то, что мне надо завязывать с мёдом старого Варнавы и начать выходить в люди. Возможно, она права. Чёрт возьми, я даже решил начать вести дневник. Знал бы я, что до этого дойдёт, отговорил бы себя учиться читать и писать. Но грамотность нужна мне для работы. И так я хотя бы знаю, что обо мне пишут в этих розыскных листовках. "Трюкач из Лимана". Боже, кто это вообще придумал? Но награда там солидная. Иногда подумываю, может, самому себя сдать.

Завтра точно надо будет выйти на улицу днём и не на работу, как говорит Виктория, иначе мне точно несдобровать.

Пятница, 14 июля 1673 года.

Не придумать худшей ночи, чем сегодняшняя. Получил я заказ свиснуть у лорда Брада ожерелье с изумрудом. Не особо богатый хер, которому повезло, что его всё ещё можно назвать знатным. Охрана ему соответствует. Плёвая работа. пробраться в особняк, достать ключ от сейфа, забрать ожерелье и дать дёру. Правда, был нюанс, о котором дражайший клиент не удосужился упомянуть: жертва – самый что ни на есть похотливый ублюдок, и именно сегодня он решил устроить себе "праздник".

Четыре часа я провёл на карачках, наблюдая мерзости, происходящие в его кровати. И всё это время меня мучали два вопроса: как мне после этого спать, и почему никого из этих бедных юношей и девушек всё ещё не стошнило. Благо, под утро этот похотливый жеребчик успокоился, и я смог закончить работу.

Домой я вернулся после рассвета полный усталости и ужаса, выпил с горла бутылку мёда, упал на кровать и попытался заставить себя уснуть. На чердак ввалилась злая Виктория, сжимая в руках метлу. Выглядела она прям как церковники описывают ведьм, но мне было не до смеха. С криками "Иоганн, чтоб тебя, иди и развейся" и парой ударов по голове, меня всё-таки выгнали на улицу.

Не могу вспомнить Лиман при свете дня. Не уверен, видел ли я его когда-нибудь таким живым. Даже на самых широких его улицах, кажущихся в ночи необъятными, днём не

протолкнуться. Необъяснимым образом это захватывает дух и вызывает безумный дискомфорт. Лишь в переулках Лиман не меняется: мне посчастливилось застать два ограбления, изнасилование и попойку дешёвым элем. Жаль, что именно эту часть города я знаю слишком хорошо.

Подслушал несколько слухов. На удивление, я тоже был среди них. Люди даже знают моё имя, а в историях, несмотря на солидный налёт выдумок, есть и что-то правдивое. Хотел бы я знать, значит ли это, что я недостаточно хороший вор, или что я становлюсь "легендарным". В любом случае, эта слава меня пугает. Надеюсь, что хотя бы о сегодняшней работе истории никогда не будет.

Четверг, 20 июля 1673 года.

Стал чаще выбираться на улицу. Осуждающий взгляд Виктории сменился на недоумевающий, но наконец-то я увидел на её лице улыбку. Забавно. Уже, наверно, десять лет, как мы знакомы, а она не утратила свою девичью красоту с этой невинной улыбкой. Напоминает дни, когда я и сам мог позволить себе улыбнуться. Надо пробовать радовать её почаще.

Из-за работы и дневных прогулок осталось меньше времени на выпивку. Уверен, старый Варнава в панике, ведь своей трезвостью я лишая его как минимум трети заработка. Бедняга. Хоть бы не объявил меня в розыск.

Улицы Лимана всё так же давят на меня, но, по крайней мере, глаза уже не так болят от солнечного света. Интересно, если бы меня увидел священник, стал бы он размахивать крестом перед моей рожей и поливать святой водой? Думаю, лучше не проверять.

Сегодня гулял по рынку. Почувствовал там себя как дома, вокруг сплошь ворьё: кто-то срезает кошель, кто-то завышает цены втрое для бедняг, которым и так нечего есть, а кто-то "берёт пожертвования" на охрану.

В конце дня проходил мимо прилавка с выпечкой. Меня окликнула его хозяйка.

– Эй, господин, не проходите мимо! Возьмите пирога.

"Господин"... К кому угодно на этом рынке это обращение подошло бы лучше, чем ко мне. Но, к сожалению, вокруг не было никого другого.

– Нет у меня денег, – пробормотал я.

– Берите так. А если понравится, приходите ещё.

Я впал в ступор. Почему она предлагает мне что-то бесплатно? Может, я ограбил её когда-то, умудрился засветиться, и пирог отравлен? Я повернулся, чтобы взглянуть на неё, и увидел девушку с протянутым мне пирогом и добродушной улыбкой. Я взял пирог и, ничего не сказав, спешно ушёл оттуда. Меня терзала паранойя. Возвращаясь домой, сделал крюк, чтобы удостовериться, что за мной нет слежки. По пути срезал толстый кошель возле таверны, иначе этот день закончился бы слишком добродушно.

Попробовал пирог. Его яблочная начинка пробрала аж до костей. Сложно вспомнить, когда я пробовал что-то вкуснее. Подождал пару часов и угостил Викторию, ей тоже понравилось. Она спросила, где я его достал. Ответил, что украл с прилавка какого-то мерзкого хрыча. Почему я ей соврал?

Воскресенье, 23 июля 1673 года.

С того похода на рынок перестал выходить из дома. Перестал работать. Дни и ночи напролёт думаю об этой девушке. Почему она была так добра ко мне? Разум рисует её образ: волосы и глаза шоколадного цвета, во взгляде сияет жизнерадостность, но в то же время и видна тень печали.

Стало тяжело думать трезвым, вернулся к любимому мёду. Уверен, Варнава снова счастлив.

Накатили воспоминания нашего с Викторией знакомства. Забавно, ведь познакомились мы с ней на том же самом рынке. Она графская дочь, прогуливающаяся с гувернанткой, а я оборванец, в планах которого не сдохнуть с голоду ещё хотя бы один день. Воистину незабываемая встреча: я лезу в сумку гувернантки, а Виктория тычет мне в горло своим ножом. Не понимаю, как мы сдружились, да и она, думаю, тоже, но сколько ж дел мы наворотили с этой кучерявой бестией. У меня бы и половины нынешних клиентов без неё не было. А её таланта ростовщичества мне до сих пор понять не удалось.

Жаль, что в итоге ей пришлось покинуть отцовский дом.

Преступная жизнь не особо вяжется с графским титулом. Мы часто об этом говорили, и она всегда утверждала, что это был её выбор, и мой вины в том нет, но всё же временами я задаюсь вопросом, сложилась бы её судьба лучше, если бы не та встреча на рынке?

Может, и эта девушка встретила меня не просто так? Нужно сходить на рынок и поблагодарить её за пирог. Возьму с собой цветы в качестве благодарности. Но сначала надо вернуться к работе. За несколько дней скопилось достаточно заказов.

Суббота, 29 июля 1673 года.

Легенды о "Трюкаче из Лимана" вылезли из тёмных переулков и начали доходить до более состоятельных персон. Меня это всё так же беспокоит, стало гораздо труднее работать, но и заказы стали жирнее. Хотя и это не важно. За последние годы я уже вполне накопил денег на безбедную жизнь. Смогу ли я когда-нибудь отойти от дел и зажечь другой жизнью? И нужно ли оно мне?

Нашёл в себе силы сходить на рынок. По пути купил у цветочницы георгины. Она потратила около часа, предлагая мне разные цветы, и каждый раз повторяла: "вашей даме они обязательно понравятся". Чувствовал себя идиотом. Это был первый раз, когда я покупал цветы.

Наконец-то узнал имя этой девушки. Её зовут Наджия. Я

остался на рынке до заката, а после проводил её домой. Живёт она в скромном трёхэтажном доме с семьёй кузнеца, у которого струя после бочки эля ровнее, чем гвозди. Наверяд ли я когда-либо её грабил. От этого дома и улицы несёт отчаянием. Как Наджия смогла не утратить здесь своё очарование? Воистину роза среди навоза.

После этой прогулки ещё сильнее ушёл в раздумья. Меня терзали противоречия: рядом с Наджией я чувствовал беспокойство, и в то же время умиротворение. По пути домой никого не ограбил, и, наверное, впервые вошёл через дверь, а не крышу, чем сильно удивил Викторию.

– Дверь? Дверь?! Иоганн, ты здоров?

Хотел бы я знать, что ей ответить. Посмотрел ей в глаза и утвердительно кивнул. Это было моей ошибкой. Моя рожа крепко срослась с угрюмой гримасой, перестав быть способной на что-то ещё. Даже лёгкая улыбка вызывает у меня жгучую боль. Только взгляд остался способен выразить хоть что-то, и Виктория слишком хорошо это знает.

– Да у тебя глаза блестят! И от твоего плаща несёт цветами. Наш "трюкач" влюбился?

От смущения меня тянуло провалиться в самые тёмные уголки ада, но уверен, что даже там я не смог бы спрятаться от её ехидства. В голове крутилась единственная мысль: "лучше бы в тот день на рынке ты меня всё-таки прирезала".

Вечер прошёл в расспросах о Наджии. Моментами я переставал понимать, Виктория искренне рада за меня, или на-

шла повод для издёвок. Возможно, и то, и другое.

Воскресенье, 20 августа 1673 года.

За последний месяц отработал больше заказов, чем за весь год. Не остаётся времени и сил на дневник. Крайний выход прошёл на ура. Кроме необходимого, "одолжил" у одной знатной дамы серебряный браслет. Решил, что на Наджии он будет смотреться лучше. В последнее время она не выходит у меня из головы даже на работе.

Стараюсь навещать её через день. Каждый раз приношу разные цветы, хочу понять, какие её любимые. И каждый раз Наджия одинаково расплывается в смущённой улыбке. Похоже, понять это у меня так никогда и не выйдет.

Неделю назад я спросил её, не хотела бы она заниматься чем-то кроме выпечки. Оказалось, Наджия мечтает стать художницей. Почти час она мне рассказывала о живописи, а я старался хотя бы кивать в нужные моменты.

Своим же вопросом Наджия заставила меня нервничать: она спросила, чем я зарабатываю на жизнь. Прямого ответа я не дал. Не хочу ей врать, но и в том, что я вор, признаваться не хочется. Ночь провёл в размышлениях, кем бы я мог быть. Ничего придумать не смог. Благо, больше она этот вопрос не поднимала.

Виктория счастлива. С каждым днём у меня выходит всё меньше действовать ей на нервы. Я даже немного скучаю по

тому, как она ругается. Может, как-нибудь её раззадорить, чтобы не потеряла навык?

На одной из прогулок подслушал очередную историю о моих приключениях. На этот раз я пробрался в дом Монтье, одного из самых богатых семейств Лимана, если не самого богатого. Конечно, и охраняет его не простая стража. Элитные гвардейцы, "убийцы воров". Я как-то наблюдал за ними. Они сменяют друг друга каждые четыре часа. И за это время ни один из них не то, что не шевельнулся, даже не моргнул. Не уверен, дышат ли они вообще. Для любого вора настоящая мечта стащить что-нибудь у них под носом а я, если верить рассказам, вынес дом подчистую. Думаю, в какой-нибудь новой истории я научусь летать или становиться невидимым.

Два дня спустя мне пришёл заказ на фамильные драгоценности Монтье. Моя паранойя снова дала о себе знать. Это обычная подстава, или кто-то услышал дворовые байки и решил, что я для них недостаточно хорош? Глупо было бы отказываться от такой добычи, но согласиться – просто самоубийство. Надо всё обдумать и посоветоваться с Викторией. Её нюху позавидовали бы лучшие королевские гончие.

Вторник, 22 августа 1673 года.

Под заход солнца встретил Наджию с рынка. Подарил ей браслет. Идея эта оказалась одной из самых паршивых.

– Иоганн, зачем ты это делаешь? Что тобой движет?

Я не знал, что ответить. Всех слов в моём скудном разуме не хватит, чтобы описать мои чувства, моя дорогая Наджия.

– Прошу тебя, заканчивай с этим. Не заставляй меня чувствовать себя неловко. Ты ведь и сам не знаешь, чего хочешь. Просто давай остановимся. Хотя бы на время, пока всё не успокоится.

И она ушла. Я смотрел ей в след, и руки мои дрожали от злости. Злости к единственному человеку на этом треклятом свете – к себе. Рассвет я встретил в обнимку с дешёвым вином на крыше напротив её дома. Глядя на догорающую свечу в её комнате, у меня в голове, словно по волшебству, рисовались картинки нашей первой встречи. Каждый глоток вина сопровождался мыслями: есть ли надежда на то, что церковники не врут, и среди нас есть могущественные колдуны и ведьмы? Может ли кто-нибудь из них вернуть меня в тот момент? Смог бы я тогда сделать всё по-другому, и стало бы от этого лучше? Когда последняя капля обожгла моё горло, вопросы покинули голову, и с первыми лучами солнца я решил принять заказ и обнести дом Монтье.

Рассказать Виктории и о Наджии, и о деле я так и не смог. Она бы попыталась меня отговорить, а я бы её не послушал. Заставил волноваться. Лучше ей ни о чём не знать.

Воскресенье, 27 августа 1673 года.

Ровно в полночь подошёл к особняку Монтье. Гвардейцев не было видно. Дурной знак. Следовало бежать оттуда со всех ног, но я был настолько пьян, что мне было плевать. Пробрался в дом: свет не зажжён, прислуги не слышно. Нашёл покои хозяина. Увиденное заставило в мгновение про-
трезветь: пять тел – граф и графиня Монтье, две их дочери и сын. В соседней комнате дворецкий и няня. Взрослым пере-
резали горло, детей затыкали до смерти. Удары случайные, били с разных сторон. Было сложно посчитать количество. Следы от уколов неширокие, нанесены ножом точь-в-точь как тот, что я ношу в сапоге на всякий случай. Бегло осмотрел комнату. Все ларцы перевёрнуты, сейф вскрыт. Семейных драгоценностей точно нет. Что там произошло? Кто-то тоже взял этот заказ и пришёл сюда раньше? Не знаю в Ли-
мане тех, кто действует так открыто и грязно. Банды на такое не нанимают, а там точно был не один человек. Подстава? Но зачем убивать людей? Не успел нормально осмотреться, услышал тяжёлый топот сапог, наверняка стража или гвардейцы. Времени думать не было, выпрыгнул в окно.

Не уверен, преследовали ли меня, видели ли моё лицо, но домой возвращаться не стал. Два дня кочевал от подворотни к подворотне, пытаюсь заглушить ужас увиденного смердящим элем. Лишь на мгновение стоило мне прикрыть глаза, я видел безжизненные лица этих детей. Это не могло быть просто ограбление. Это была казнь. И я должен был стать единственным, кого там поймают.

Связался с контактом. Мне нужно было знать, кто сделал этот заказ. Но он ничего не знал. Глупо было на что-то рассчитывать, ведь он никогда не лезет ни в имена, ни в детали заказа. Наверное, поэтому он до сих пор жив.

В последние дни стал замечать силуэты. Кто-то следит за мной? Или так на мне сказываются эль и отсутствие сна? Почти пять дней я не спал, тяжело думать. Нужно разобраться с этим поскорее. Но с чего начать? Кто эти люди? Знают ли они, кто я? Знают ли о Виктории? О Наджии?

Всю ночь крутился вокруг дома, пытаюсь убедиться, что за мной нет слежки. Под утро забрался на чердак. Там меня ждала Виктория. Никогда не видел её такой злой и испуганной одновременно. Не успел ничего сказать, получил чем-то тяжёлым в челюсть. После того, как я очнулся, Виктория сказала, что это был чайник. Удивлён, что она меня им не прибила.

Придя немного в себя, я рассказал ей всё. Её рука не разжимала чуть помятый моей челюстью чайник, а глаза, полные ярости, становились почти не видны из-за скопившихся слёз. Тяжело было видеть её в таком состоянии.

– Виктория, тебе надо уезжать из Лимана.

– Что?! Нет, чёрт возьми! Мы справимся, как и всегда!

Но, к сожалению, это было не как всегда. Если у кого-то хватило сил добраться до графа, то что им обычный вор. Мы долго спорили, искали разные варианты, но так и не придумали лучшего решения.

Всю ночь мы пролежали в обнимку, не говоря ни слова. На утро Виктория собрала вещи и уехала. Мы не попрощались. Каждый из нас надеялся, что мы встретимся снова.

Суббота, 9 сентября 1673 года.

Мои попытки разобраться в произошедшем с семьёй Монтье начинают напоминать одержимость. Еду и сон мне практически заменил мёд старого Варнавы. Вход на чердак уже плотно заставлен бутылками. По крайней мере, у меня есть линия обороны. Выбираюсь на улицу только ночью, собираю информацию. О Монтье мало кто что слышал, про их зверское убийство тем более. Странно. По Лиману слухи разлетаются быстрее ветра. Почему же об этом никто ничего не слышал?

Меня продолжают преследовать силуэты. Домой возвращаюсь после рассвета, когда перестаю их видеть. Стараюсь обходить стороной дом Наджии. Надеюсь, хотя бы о ней мои преследователи не знают.

Завтра на рассвете нужно сходить на рынок, убедиться, что с ней всё в порядке. Главное – держаться подальше от её прилавка, чтобы никто ничего не заподозрил.

Воскресенье, 10 сентября 1673 года.

Похоже, я окончательно потерял рассудок. Не могу верить

своим глазам, ушам и мыслям.

На рассвете пришёл на рынок. Он уже был полон народу, но прилавок Наджии был пуст. Руки начали дрожать сильнее обычного, а сердце стучало так быстро, что готово было остановиться. Я что есть сил побежал к её дому. Когда я добрался до него, улицы уже окутала ночь. Как я мог бежать так долго?

В окнах было темно и стояла гробовая тишина. Образ убитых Монтье застыл у меня перед глазами. Не раздумывая, я выбил своим телом окно в её комнату. Пелена с моих глаз спала, как только я услышал крик Наджии. И только в тот момент я понял, что перепутал рассвет с закатом.

– Зачем ты так со мной, Иоганн?! За что ты меня изводишь?!

Наджия говорила что-то ещё, но больше я ничего не слышал. Я пытался придумать, что сказать, но ничто не изменит то, что я до смерти её напугал.

Похоже, я окончательно потерял рассудок. Окончательно потерял Наджии.

Среда, 15 ноября 1673 года.

Последние два месяца я не бросал попыток выяснить, кому понадобились смерть Монтье и моя голова. Но я так ничего и не нашёл. Ни следа, ни зацепки, ничего. И в итоге я сдался.

Пару раз выбирался на рынок, прилавок Наджии давно занял торговец картинами. Забавно, что их автор непонятным образом напоминал мне её имя. В доме кузнеца она так же больше не живёт. Никто не знает, куда она перебралась. Думаю, оно и к лучшему.

Раз в неделю получал письма от Виктории. Она обосновалась на новом месте, занимается честны трудом, встретила мужчину по имени Ральф, и они собираются пожениться. Ох, моя милая Виктория. Как же я рад, что ты не стала жертвой моего безумия.

Завтра задумал свою последнюю кражу. Уж она-то точно станет легендарной...